

* * *

словно японская монетка,
через которую поочередно
исчезают любимые женщины,
с удаляющимся перезвоном
моих прекрасных потерь...
И мои аплодисменты
весомей меня самого.
И поэтому я собрал их
на своей ладони,
словно помятые купюры,
и храню их для конца, для смерти,
чтобы заштопать ее маски,
которые однажды прохудятся,
словно мои полотна,
и я со звоном выплеснусь из них,
и жизнь продолжит проживать меня
со всеми моими нюансами...

* * *

Родовые схватки
матери поэта
всегда остаются
незавершенными.
Они всегда завершаются
рождением каждого нового
произведения
ее сына.

* * *

Сновидения плода –
вызревающие виолончели
ангельских судеб.

Маточный джаз...

SANSCRI(P)T(UM)

Молчание Твоё –
единственный незрелый пестик
смертности твоей.
Однажды расцветёт...

И обретёшь бессмертье.

Завтрашний день – Пётр
с розами в руках,
соблазнительный, как перевод.
Дневные слова –
кофе без материнского молока –
скользнут
сквозь горло Вселенной,
где будет торчать жёлтое

преображение

любви, словно обглоданные кости
вчерашней вечера,
подобно молитве раскаявшегося...
Пред водопадами света...
В зеленеющих водах реки
моей крови
рыбы крещают груди наяд...

* * *

С высоких деревьев далёкой
белизны
птицы поэтообразного цвета
молча выклёвывают
сны бодрствующего ангела,
из которых выпадают
заглавные буквы Света...
Глазницы космической пифии –
пара ковчегов-близнят
из синих косточек ската,
сидящих на бёдрах луны...
И прорастает зуб мудрости
у Водолея...

* * *

Меж красными,
красными,
красными твоими клятвами –
ангельские цвета
неохотно сеются дождями;
на тротуаре моей души дождь
расставляет вскрики
запятых и точек,

которые ты вдыхаешь
нынче
словно восклицания петуха...

* * *

Моё имя —
камень во сне Бога,
изукрашенный кривыми
зеркалами.

Сквозь световые рёбра
прозвонивает катаракта
моего Отца —
на моём языке...

* * *

Смерть — всего лишь перемещение;
сожалея, что никогда я не
умру, —
изучаю цветочный рай
на вратах ада...

* * *

Как гладкая таблетка финлепсина
вниз по голосовым связкам
поэта —
по космическим бёдрам Вселенной
проскальзывает
потерянный глаз Будды.

Пора половой зрелости
божьих оттенков...

* * *

Ради пестиков непроизнесённых
тобой слов
умалчиваю переносы —
к памяти твоей...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Тебя подпитываю
к белой бессоннице
ангела моего...

ИСИКАВА ТАКУБОКУ

На далёких окраинах смерти
после выборов
подушки тишины всегда
красны,
отчего и ангелам хочется спать.
А от шума рождающихся у них
сновидений
раздражаются верхние слои озона.
Пенящаяся белизна
наполняет дыхательные пути
космоса,
и Господь вдруг забывает
двадцать седьмой иероглиф
своей молитвы,
который падает и вертится,
как серьга,
на пупке Вечности...

* * *

Я сейчас
по одной срываю ресницы молчанья
и штопаю молитву мою,
что сорвалась с оттенков слов...
Сейчас оттенки значительней,
чем звуки...

И я уже
босиком вхожу в церковь Надежды,
чтоб звуки моих шагов
не отразились на судьбе моей.
Сколько следов растрескалось
от шорохов!

А мои следы —
обращённая к моей любви молитва,
которой нет конца,
потому что не раскрашивается
словом...

А теперь
важнейший цвет
сосредоточивается в том,
что любовь — поэзия чувств...